

V. Мир

- 1. Навстречу новой войне
- 2. Навстречу новому рабству
- 3. Навстречу новой свободе

1. Навстречу новой войне

Едва Берлин пал, едва немецкая держава была уничтожена, как в американской прессе почти единодушно раздался новый военный клич, провозгласивший Россию новым врагом. Когда все армии были еще в строю, паника новой войны охватила истерзанный, измученный мир. Новое оружие, атомная бомба, превратившая в пыль два больших промышленных города и убившая одним махом сто тысяч человек, вселило ужас в сердца цивилизованного человечества и заставило американцев осознать собственную незащищенность. «Нет секрета, и нет защиты», — таков был вердикт физиков-атомщиков, создавших бомбу; через пару лет каждое правительство сможет изготовить ее, и ее можно будет перевезти через океаны или легко контрабандой доставить в Америку. В «Совете Безопасности ООН» началась интенсивная кампания по устранению угрозы. Америка предложила создать международный, наднациональный совет или орган, единоличный хозяин опасных материалов во всем мире, имеющий право проверять производство в каждой стране. Российское правительство отказалось допустить такой комитет с такими полномочиями на свою территорию и потребовало, чтобы Америка сначала уничтожила все свои атомные бомбы и отказалась от своего главенства.

Почему российское правительство не может согласиться на международный контроль? Русские ученые, выступая от имени своих правителей, говорили, что Россия, не может участвовать в капиталистическом мировом единстве, не может допустить, чтобы ее социализм был испорчен капиталистически настроенными проверяющими органами; единственная страна, свободная от капитализма, должна строго придерживаться своего суверенитета. Можно сказать, что открывать свой более счастливый и прогрессивный образ жизни взору остального мира — означает только пропагандировать свою экономическую систему. Так что истинная причина, по которой российские правители избегают тесного контакта своих подданных с народами более свободного частного капитализма, должна заключаться в том, что, помимо военных секретов, есть еще слишком многое, что нужно скрывать. Во время и после войны выяснилось еще столько подробностей об условиях жизни в России: общий низкий уровень жизни масс, большое расхождение между низкой зарплатой рабочих и высокими окладами политических и технических лидеров, концентрационные лагеря, где десять или более миллионов людей голодают и работают до смерти в самых ужасных условиях труда. Существование этой огромной армии рабов свидетельствует о том, что помимо хваленного высокотехнического сектора российской экономики существует большой сектор, состоящий из неквалифицированного принудительного труда самого низкого уровня производительности. Это означает состояние экономической отсталости, не подозреваемое ранее под славословиями пятилетних планов и стахановщины, внутреннюю слабость под видимым прогрессом. В то время как организация и умелое планирование, согласно восхищенному или враждебному социалистическому мнению западного мира, должны подразумевать более высокую форму производственной системы, этот эффект, похоже, в значительной степени срывается тайной полицией, важнейшим инструментом диктатуры, которая всегда ставит под угрозу

безопасность и состояние жизни любого члена технического и бюрократического чиновничества.

Россия и Америка соперничают не только потому, что обе нуждаются в нефтяном изобилии на Ближнем Востоке. Более того, Россия вынуждена опасаться мощи Америки. Годовое производство стали в 1945 году для Америки составляло 80 миллионов тонн, для России (после четвертой пятилетки) — 24 миллиона; для угля эти цифры составляют 575 и 250 миллионов тонн. Это показывает относительную промышленную мощь, которая не может быть компенсирована тем, что у России 170 миллионов человек против 130 миллионов у Америки. И вот Америка трансформировала свою промышленную мощь в военную и политическую. Эта политическая мощь нашла свое идеологическое выражение в призыве к мировому единству. «Один мир или ничего» — таков был панический крик ученых-атомщиков, когда они с ужасом увидели последствия своей работы; если эта ужасная новая сила не будет скована международным единством, она уничтожит само человечество. Но вполне логично, что в любой всемирной организации «объединенных наций» самые могущественные будут доминировать над остальными. Российские правители прекрасно понимают, что согласие на создание сверхдержавы с большими полномочиями означает подчинение самому могущественному из соратников, американскому капитализму. Они отказываются.

Поэтому обе стороны готовятся к войне. Неизбежна ли она? Все, что мы можем увидеть и рассмотреть, это то, какие глубинные силы лежат в основе этой угрозы. В первую очередь мы должны обратиться к Америке. Здесь частный капитализм находится в полном развитии, здесь социализм незначителен, практически отсутствует в политике, здесь плановая экономика и государственное руководство производством были лишь кратковременной военной необходимостью, вскоре замененной свободным предпринимательством. Все условия и явления прежнего свободного капитализма в Европе, особенно в Англии и Германии, повторяются здесь, теперь в гораздо больших масштабах. Уже в 1928 году американское производство превысило производство всей Европы; в начале войны, несмотря на девять миллионов безработных, оно производило больше, чем в любой другой год. Затем во время войны производство чрезвычайно возросло, как за счет большего числа рабочих, так и за счет быстрого роста технической производительности; так что, несмотря на огромное производство военных материалов, не было необходимости вводить строгие ограничения на народное потребление, как это было в европейских странах. Война — это всегда золотое время для капиталистической прибыли, потому что государство, как покупатель, охотно платит самые высокие цены. В Америке это была золотая лихорадка, как никогда раньше; прибыль от войны исчислялась не миллионами, а миллиардами долларов. В конце войны, разрушившей производственный аппарат Европы, Америка получила производственный аппарат на пятьдесят с лишним процентов больше, чем в ее начале, а объем промышленного производства вдвое превысил объем производства остального капиталистического мира. Для этой возросшей производственной мощности необходимо найти рынок сбыта. Это и есть проблема, стоящая перед американским капитализмом.

Внутренний рынок может быть легко найден: путем предоставления большей доли рабочему классу, что увеличит его покупательную способность. Но на такой путь, сокращение прибыли, капитализм пойти не может. Он убежден, что рабочие, если они могут

обеспечить себя подержанным автомобилем и холодильником, вполне обеспечены и им нечего желать. Суть капитала заключается в получении прибыли.

Поэтому необходимо найти внешние рынки. Во-первых, это разрушенная Европа. Ее производственный аппарат должен быть восстановлен за счет американского экспорта, ставшего возможным благодаря большим кредитам. Часть его уже является американской собственностью, а за то, что номинально остается европейской собственностью, придется платить большие проценты американским финансам. Европейская экономика находится под прямым контролем американских агентов по надзору, которые будут следить за тем, чтобы кредиты расходовались таким образом, чтобы Европа не смогла превратиться в серьезного конкурента. В Европе американский капитал находит рабочий класс с гораздо более низким уровнем жизни, чем у американских рабочих, а значит, обещает большие прибыли, чем у себя дома. Но это возможно только в том случае, если прежде всего восстановить его рабочую силу, посылая в качестве помощи голодным обнищавшим народам дары в виде продовольствия, одежды, топлива. Это инвестиции на длительный срок, обещающие прибыль только в долгосрочной перспективе. Более того, здесь она сталкивается с Россией, пытающейся распространить свою систему эксплуатации на Центральную и Западную Европу.

Есть еще Китай, самый перспективный рынок для американской продукции. Но здесь американский капитализм сделал все возможное, чтобы испортить свои собственные шансы. В гражданской войне он поддерживал капиталистическое правительство против красных крестьянских армий, с единственным результатом, что американские офицеры и агенты с отвращением отвернулись от неспособных хищных гоминьдановских правителей; что крестьянские армии не могли быть побеждены или завоевать всю власть, так что постоянная гражданская война принесла хаос и не позволила восстановиться. Естественная симпатия американских капиталистических правителей к эксплуататорским классам в других частях света и столь же классово обусловленная враждебность к народным движениям делает их слепыми к тому факту, что только из последних может возникнуть основа для сильного экономического развития. Таким образом, потребуется полный разворот политики. Тот факт, что коммунистические армии поддерживаются Россией, усиливает американский антагонизм по отношению к китайским народным массам, тем самым препятствуя превращению Китая в рынок для американского экспорта.

Есть еще Россия, СССР, по протяженности и численности населения являющаяся континентом сама по себе, после США, вторая страна мира по промышленному развитию под единым государственным управлением, с огромными источниками ценнейшего сырья, второй производитель золота в мире, изобилующая плодородными землями, с быстро растущим населением, которое, по оценкам, в течение двадцати лет достигнет 250 миллионов человек. Она закрыта для иностранной торговли; железная стена изолирует ее от любого иностранного влияния. Американский капитализм, так нуждающийся в рынках сбыта для своей избыточной массы продукции, может ли он допустить существование такой стены, не пытаясь проломить ее? Он ведет войну за «свободу»; свобода означает свободную торговлю и сношения по всему миру. Не следует ожидать от самого могущественного класса капиталистов, что он будет терпеть изоляцию от третьей части промышленно развитого мира.

Более того, американские капиталисты уверены, что против воздействия даже мирной торговли российская экономика не сможет устоять, а постепенно уступит место частной собственности. Так, видимо, думают и русские правители; они отказываются подвергать свою искусно построенную высшую организацию плановой экономики развращающему влиянию частного капитализма.

Таким образом, создаются условия для глубокого конфликта. Американский частный капитализм по своей сути является агрессором, российский государственный капитализм вынужден защищать свои позиции. Разумеется, защита часто сводится к нападению; при любой подготовке к войне каждая сторона вменяет агрессию другой. Поэтому Россия пытается создать защитный фронт за пределами своих границ и пытается распространить свое господство на Европу. Более того, во всех капиталистических странах у нее есть организация преданных приверженцев и агентов, соблазненных революционными традициями 1917 года, убежденных, что организованная экономика, управляемая государством, означает социализм, твердых в ожидании приближающегося экономического кризиса, который разрушит систему частного капитализма.

Среди экспертов-экономистов также широко распространено мнение, что мировую промышленность, то есть особенно американскую, ждет тяжелый кризис. Ее производственные мощности, ее выпуск продукции настолько велик, что для нее нет рынка. Поэтому после первого мирного бума, восполняющего недостатки военных лет, наступит тяжелый спад, с большой безработицей и всеми ее последствиями. Строго говоря, это продолжение спада 1930-33 годов, после которого реального восстановления не было до 1940 года. Тогда война обеспечила огромный рынок для быстро растущего производства, рынок, который никогда не задыхался, потому что вся продукция быстро уничтожалась. Теперь, когда война закончилась, капиталистический класс снова столкнулся с жалкой ситуацией, когда мир не может поглотить его продукцию. Стоит ли удивляться, что его мысли снова обращены к тем золотым годам высоких прибылей, когда смерть и уничтожение бесчисленных человеческих жизней принесли такой богатый урожай? И что даже значительная часть рабочих, таких же узких капиталистов, как и они сами, вспоминает о том времени только как о годах высоких зарплат и захватывающих приключений?

Война как рынок может быть частично заменена подготовкой к войне как рынком. Вооружение уже занимает заметную часть производительных сил общества. В 1946-47 бюджетном году военный бюджет Америки составил 12 миллиардов долларов. По сравнению с общим годовым национальным продуктом, оцениваемым в 180 миллиардов, это может показаться не впечатляющим, но по сравнению с американским экспортом мирного времени, составляющим семь миллиардов, он приобретает все большее значение. Основная часть производства всегда предназначена для внутреннего потребления продуктов питания, одежды, инструментов, машин и т.д.; периферия экспорта и расширения является активной силой, которая стимулирует все производство, увеличивая потребность в производственном аппарате и рабочих руках, которые, в свою очередь, нуждаются в товарах; при капитализме каждый дополнительный спрос извне имеет тенденцию прямо и еще более косвенно увеличивать масштабы производства. Продолжающийся спрос на военные материалы, которые необходимо уничтожать и постоянно заменять, потому что

через несколько лет они будут вытеснены новыми изобретениями, может действовать как сила, оттягивающая надвигающийся промышленный кризис.

Однако весьма сомнительно, что такая степень готовности к войне может продолжаться бесконечно. Хотя теоретически кажется возможным, что две партии рабовладельцев, практикующие разные методы, но не очень отличающиеся по глубине характера, при рассмотрении рисков, могут предпочесть примириться друг с другом, это пока не выглядит вероятным. Американский капиталистический класс, зная, что по ту сторону железного занавеса подготовка к войне идет в том же лихорадочном темпе, веря, что в данный момент Америка является сильнейшей в военной технике, движимый желанием иметь весь мир открытым для международной торговли, веря в миссию Америки по превращению мира в единое целое, мог бы, учитывая все прелести войны, вполне ожидаемо преодолеть свой страх перед тем, что его большие города превратятся в пыль от атомных бомб. И тогда над человечеством снова развернется ад.

Является ли война неизбежной? Не является ли война анахронизмом? Почему человек, способный открыть атомные процессы, не может установить мир во всем мире? Те, кто задает этот вопрос, не знают, что такое капитализм. Может ли быть мир во всем мире, когда в России миллионы рабов работают до смерти в концентрационных лагерях, а все население лишено свободы? Может ли быть мир во всем мире, когда в Америке короли капитала держат все общество в подчинении и эксплуатации, не встречая никаких следов борьбы за социальную свободу? Там, где господствует капиталистическая алчность и капиталистическая эксплуатация, мир во всем мире должен оставаться лишь благочестивым пожеланием.

Когда мы говорим, что, следовательно, война неотделима от капитализма, что война может исчезнуть только вместе с самим капитализмом, это не означает, что война против войны бесполезна и что мы должны ждать, пока капитализм не будет уничтожен. Это значит, что борьба против войны неотделима от борьбы против капитализма. Война против войны может быть эффективной только как часть войны рабочего класса против капитализма.

Если ставится вопрос о возможности предотвращения угрожающей войны, то предполагается, что существует конфликт между правительством, наделенным властью и полномочиями в вопросах войны и мира, и массами населения, особенно рабочим классом. Их право голоса не имеет силы, поскольку оно работает только в день выборов; парламенты и конгрессы являются частью правящей власти. Поэтому вопрос сводится к следующему: имеют ли рабочие, а в более широком смысле народные массы, в момент опасности возможность, кроме парламентских средств, навязать свою мирную волю готовящимся к войне правителям? У них есть такая возможность. Если такая воля действительно живет в них, если они готовы с решительной убежденностью отстаивать свою цель. Тогда их форма борьбы заключается в прямых массовых действиях.

Правительство, правящий класс не может вступить в войну с народом, не желающим и сопротивляющимся. Поэтому моральная и интеллектуальная подготовка не менее необходима, чем техническая и организационная. Систематическая пропаганда войны в прессе, в радиовещании, в кино должна пробудить воинственный дух и подавить

инстинктивный, но неорганизованный дух сопротивления. Отсюда следует, что решающее влияние на политику правительства может оказать сознательный отказ народных масс, выраженный в открытом, широко слышимом протесте. Такой протест может проявиться сначала в массовых митингах, голосующих за резкие резолюции. Протест будет более эффективным, если массы выйдут на улицы с демонстрациями; против их десятков и сотен тысяч все акты беспорядков и судебные запреты бессмысленны. А когда этого недостаточно или подавляется военным насилием, рабочие и служащие на транспорте и в промышленности могут бастовать. Такая забастовка проводится не ради зарплаты, а ради спасения общества от полного разрушения.

Правительство и правящий класс будут пытаться сломить сопротивление всеми средствами морального и физического подавления. Поэтому это будет тяжелая борьба, требующая жертв, стойкости и выносливости. Психологическая основа для такой борьбы не сразу проявляется в полной силе; ей нужно время, чтобы развиться, и она делает это только при сильном духовном напряжении. Поскольку средние классы всегда склонны колебаться между противоположными настроениями: капиталистической жадностью, выражающейся в националистической агрессивности, и страхом перед разрушением, от них нельзя ожидать упорного сопротивления. Поэтому борьба принимает характер классовой борьбы, а самым мощным ее оружием являются массовые забастовки.

В XIX веке идея всеобщей забастовки в начале войны, как и идея всеобщего отказа от оружия, пропагандировалась, особенно анархистами; она должна была стать прямым препятствием для мобилизации и ведения войны. Но силы рабочего класса в то время были слишком малы. В первом десятилетии XX века, когда империалистическая война становилась все более угрожающей, среди европейских социалистов остро встал вопрос о том, как ее предотвратить. В немецкой социалистической партии обсуждались массовые забастовки, и зародилась идея о том, что массовые акции могут быть использованы против войны. Но партийные и профсоюзные лидеры выступали против любых подобных действий, поскольку боялись, что в этом случае правительство подавит и уничтожит их с таким трудом созданные организации. Они хотели ограничить рабочее движение парламентскими и профсоюзными действиями. В 1912 году, когда вновь надвигалась война, в Базеле состоялся международный конгресс мира. Под торжественный звон колоколов делегаты вошли в собор, чтобы послушать прекрасные речи самых выдающихся лидеров о международном единстве и братстве рабочих. Часть делегатов хотела обсудить пути и средства противостояния войне; они намеревались предложить резолюции, призывающие рабочих всех стран к обсуждению и массовым действиям. Но президиум сказал «нет»; дискуссия не была разрешена. Если сейчас великолепная демонстрация единства и мирной воли, говорил он, произведет впечатление и предостережет разжигателей войны, то дискуссии, раскрывающие наши разногласия по поводу способов действий, поощрят милитаристов. Конечно, все было как раз наоборот. Капиталистические правители не были обмануты этим спектаклем; они сразу почувствовали внутреннюю слабость и страх; теперь они знали, что могут продолжать и что социалистические партии не будут серьезно выступать против войны. Так катастрофа приняла свой неизбежный оборот. Когда в 1914 году, в последние дни июля, рабочие массы вышли на улицы Берлина, они чувствовали себя беспокойно, потому что социалистическая партия не смогла дать энергичных указаний; их призывы утонули в более громких национальных гимнах буржуазной молодежи. Война

началась беспрепятственно, с организациями рабочего класса, крепко привязанными к ее колеснице.

Базель был символом, испытанием, перепутьем. Принятое там решение определило все дальнейшие события: четыре года убийств в Европе, катастрофу всего морального и духовного прогресса, а затем гитлеризм и вторую мировую войну. Могло ли быть иначе? Базельский результат был не случайностью, а следствием действительного внутреннего состояния рабочего движения: господства лидеров, покорности масс. Социальное развитие зависит от более глубоких общих отношений власти классов. Но как в географии мелкие детали строения водоразделов определяют, куда течет вода — в один или в другой океан, так и небольшие, едва заметные различия в относительной силе в определенные моменты могут оказать решающее влияние на ход событий. Если бы оппозиция в социалистических партиях была сильнее, увереннее в себе; если бы в то время в рабочих был сильнее дух самостоятельного действия; если бы, следовательно, Базельский конгресс был вынужден к дискуссии и тем самым внес большую ясность, то война, конечно, не была бы предотвращена. Но с самого начала она была бы перечеркнута классовыми боями, внутренними распрями внутри каждой страны, разрушающими национальное единство, поднимающими дух рабочих. Тогда история последующих лет, состояние социализма, отношения классов, условия жизни общества были бы иными.

Теперь снова общество в целом, и особенно рабочий класс, стоит перед тем же вопросом: можно ли предотвратить войну? Конечно, есть различия; тогда буржуазия в основном не осознавала опасности, тогда как сейчас она сама полна опасений; тогда рабочий класс был хорошо организован в социалистическую партию, провозгласившую себя враждебной империалистической политике и смертельным врагом всего капитализма, тогда как современная Америка не демонстрирует ничего подобного. Нет уверенности, что это только слабость. Российские рабочие совершенно бессильны; у них нет тех свобод, которыми пользуются американские рабочие и могут использовать их в своей борьбе: свободы слова, печати, дискуссий, организации, действий. Так что, в любом случае, американскому рабочему классу предстоит решить, будут ли они в качестве послушных орудий помогать своим капиталистическим хозяевам сделать их всемогущими хозяевами мира, или же, ведя войну против войны, они впервые вступят в войну против капитализма, за свою собственную свободу.

2. Навстречу новому рабству

Вторая мировая война опустошила Европу. В Германии почти все города превращены американскими бомбардировщиками в руины и хлам, где 60 миллионов человек, голодных и раздетых, вынуждены жить как дикари в своих норах. Во Франции, Италии, Голландии, Польше, Англии значительные районы были опустошены таким же образом. Более важным, чем видимое отсутствие жилья, является разрушение производственного аппарата. При промышленной системе капитализма производственный аппарат, фабрики, машины, транспорт — это хребет, основа жизни. В примитивных, докапиталистических условиях простого земледелия почва обеспечивает жизнь. При разрушенном капитализме сельское хозяйство, как бы ретроградно оно ни было, не может дать достаточно пищи для промышленных миллионов, а разрушенная промышленность не может дать орудий и удобрений для восстановления сельского хозяйства. Поэтому перед Европой после войны, как первая и главная задача, стоит проблема восстановления.

Восстановление, реконструкция — вот что провозглашалось и звучало повсюду. Это означало не просто реконструкцию производственного аппарата, строительство новых машин, кораблей, грузовиков и заводов. Это означало реконструкцию системы производства, системы общественных отношений между капиталом и трудом, реконструкцию капитализма. Если во время войны возникали и звучали идеи о том, что после войны наступит новый мир, лучший мир гармонии, социальной справедливости и прогресса, даже социализма, то теперь стало ясно, что практически капитализм и эксплуатация останутся основой общества. Как могло быть иначе? Поскольку во время войны рабочие действовали только как покорные слуги, солдаты, чтобы победить врагов своих хозяев, без мысли о собственной свободе, сегодня не может быть и речи о каком-либо изменении основного принципа общества — капиталистической эксплуатации.

Это не означает восстановление старого капитализма. Он ушел навсегда. Условия изменились. Капитализм находится в бедственном положении. Мы бедны. Там, где производительная сила уничтожена так основательно, вполне логично, что должна быть нехватка всех жизненно необходимых вещей. Но это еще не все. Бедность распределяется неравномерно. Как недавно заявил президент Трумэн, заработная плата выросла меньше, а прибыль выросла больше, чем цены. Бедные сейчас беднее, а богатые богаче, чем раньше. Это не случайный результат временных условий. Чтобы понять его значение, мы должны рассмотреть более глубокую экономическую основу новых социальных условий. Раньше, в обычное время, на постепенное обновление производственного аппарата по мере того, как он изнашивался или устаревал, уходил определенный регулярный процент всего труда общества. Теперь же массовое разрушение требует массового обновления в короткие сроки. Это означает, что большая часть совокупного труда должна быть затрачена на

производство средств производства, а меньшая часть — на предметы потребления. При капитализме средства производства являются собственностью класса капиталистов; они обновляются за счет прибавочной стоимости. Следовательно, необходимо больше прибавочной стоимости. Это означает, что большая доля продукции должна доставаться капиталистическому классу, меньшая — рабочему классу. Как выражается мнение капиталистов в литературе для среднего класса: для восстановления благосостояния первым условием является производство капитала, накопление прибыли; высокая заработная плата является препятствием для быстрого восстановления.

Таким образом, главная проблема послевоенной капиталистической политики заключается в том, как увеличить прибавочную стоимость за счет снижения уровня жизни рабочих. Автоматически это уже происходит благодаря постоянному росту цен — следствию непрерывной эмиссии бумажных денег в условиях дефицита товаров. Поэтому рабочие вынуждены снова и снова бороться за повышение номинальной заработной платы, снова и снова бастовать, не добиваясь ничего большего, кроме того, что заработная плата медленно, на расстоянии, следует за растущей стоимостью жизни. И все же среди отдельных работодателей может возникнуть желание — ввиду нехватки рабочей силы — платить больше, чем предусмотрено договором; тогда государство вмешивается в интересах всего класса капиталистов. Сначала с помощью института посредников. Эти назначенные государством посредники, ранее назначенные для арбитража в случае споров о заработной плате, теперь имеют функцию установления стандартной заработной платы, максимальной заработной платы, которую не должен превышать ни один работодатель. Теперь случается, что во время забастовки работодатель готов платить больше, но государство запрещает это делать. Или правительство провозглашает всеобщее урезание заработной платы, что, учитывая рост цен, означает постоянное снижение жизненного уровня. Таким образом, забастовка против отдельных работодателей или профсоюзов становится бессмысленной; каждая забастовка направлена и должна быть сознательно направлена против государственной власти.

Профсоюзы также приобретают новую функцию. Они непосредственно выступают в качестве официально признанных институтов, которые от имени рабочих ведут переговоры и заключают договоры с правительственными и капиталистическими органами. Правительство дает юридическую санкцию решениям профсоюза; это означает, что рабочие морально и юридически связаны договорами, заключенными лидерами профсоюза, считающимися их представителями. Раньше именно сами рабочие на своих собраниях должны были принимать решения о новых условиях труда; они могли своим голосованием принимать и отвергать их. Теперь у них отнята эта видимость независимости, по крайней мере, формальная свобода принятия решений в переговорах. То, о чем договариваются и договариваются лидеры профсоюза в сотрудничестве с правительством и капиталистами, считается законом для рабочих; их не спрашивают, а если они отказываются, вся моральная и организационная мощь профсоюза используется для того, чтобы заставить их подчиниться. Очевидно, что профсоюзы как формально самоуправляющиеся организации рабочих с выбранными лидерами гораздо более склонны навязывать новые плохие условия труда, чем любой властный институт государства. Таким образом, профсоюзы становятся частью аппарата власти, доминирующего над рабочим классом. Профсоюз является продавцом рабочей силы трудящихся и, торгуясь в сотрудничестве с государственными

чиновниками, продает ее работодателям.

Это, конечно, не означает, что сейчас профсоюзы и их лидеры в каждом случае соглашаются с требованиями капиталистов. В этом случае их авторитет был бы быстро подорван, как это в определенной степени и происходит сейчас. Кроме того, их позиция часто зависит от политических соображений: стоят ли они полностью на стороне правительства, как в Англии, или враждебно настроены против правительства, как во Франции. Профсоюзные лидеры во Франции, принадлежащие к К.П. [Коммунистическая Партия], следовательно, агенты российских правителей, не в последнюю очередь заинтересованы в поддержке французского капиталистического класса и его правительства, как это было несколько лет назад, когда они сами принимали участие в правительстве и враждебно выступали против забастовок рабочих. Таким образом, борьба рабочих против обнищания используется политическими партиями как подчиненное средство в борьбе между западной системой частного капитализма и российской системой государственного капитализма.

Однако проблема, стоящая перед европейским капитализмом, имеет еще более широкий масштаб. Это не только вопрос заработной платы; это вопрос о том, готовы ли трудящиеся массы после такого разрушения экономической системы восстановить ее. Капитализм знает, что «только труд может нас спасти». Тяжелый труд и низкая зарплата — вот условия для восстановления. Согласятся ли рабочие, которые помнят тяжелую жизнь при капиталистической эксплуатации до войны, на еще более тяжелую жизнь, чтобы восстановить это положение вещей? Могут, если их удастся убедить, что именно ради лучшего мира они сейчас напрягают свои силы, ради мира свободы для своего класса, ради социализма. Социализм — это волшебное слово, способное превратить угрюмых бунтарей в готовых кооператоров.

В широких слоях среднего класса проснулось убеждение, что социализм, так или иначе, необходим для восстановления экономики; в большинстве стран к власти пришли министры-социалисты, социалистические и коммунистические партии доминировали в парламентах. В Англии лозунг гласил: «Только труд может спасти нас»; многочисленные голоса среднего класса и рабочих дали подавляющее большинство Лейбористской партии, которая в прежних правительствах показала свою капиталистическую надежность. Там, где откровенно капиталистическое правительство не смогло бы силой подавить сопротивление рабочих и навязать им новые тяжелые условия жизни, лейбористское правительство было единственным выходом.

Англия, действительно, находилась в критическом состоянии. Вторая мировая война истощила ее капитал иностранных инвестиций, проценты от которых ранее направляли в страну поток неоплаченных потребительских товаров. Дядюшка Шейлок оказал свою щедрую помощь только после того, как его тяжело нагруженный союзник отдал большую часть своих активов — несмотря на то, что война, по сути, послужила уничтожению самого опасного соперника Америки в борьбе за мировое господство, Германии, распорядившейся ресурсами всего европейского континента. Англии пришлось отказаться от значительной части своих колоний, она уже не могла нести расходы, связанные с ролью большой державы. Кроме того, мы видим, что английская буржуазия утратила былую уверенность в себе; ее внешняя политика, например, на Ближнем Востоке, демонстрирует признаки

неуверенности. Привилегированное положение, которое раньше занимал британский рабочий класс, имея свою долю в эксплуатации Англией всего мира, исчезло. Теперь перед Лейбористской партией стояла задача расчистить обанкротившееся имущество.

Социализм, однако, не должен был быть просто выдумкой. Хорошая доза социализма была действительно необходима для восстановления капитализма. Некоторые из основных отраслей капиталистического производства, такие как добыча угля и железнодорожное сообщение, вследствие частной собственности, обремененной совершенно устаревшим отсутствием организации, представляли собой нелепую неразбериху неэффективности. Для хорошо развитого капиталистического производства хорошая организация таких основных отраслей, как уголь, сталь, транспорт, так же необходима, как почта и телеграф; поэтому национализация — это капиталистическая необходимость, которую называют социализацией. Хотя в этом нет ничего революционного, прежние правительства были слишком полны уважения к частному предпринимательству, чтобы удовлетворить эти общие потребности; «социалистическое» лейбористское правительство было необходимо для установления капиталистической эффективности. Когда сейчас шахтеры жалуются, что не находят разницы в обращении между прежними владельцами шахт и новым Угольным советом, они должны подумать о том, что реформа была проведена не для них, а для капитализма. Это не было нападением на капиталистическую собственность; акции угольных шахт сомнительного качества были заменены государственными облигациями; эта манипуляция никоим образом не уменьшила эксплуатацию рабочих.

Государство должно взять на себя функции в производственном аппарате, которые раньше были прерогативой частного предпринимательства. Это еще не означает государственный капитализм, как в России, а только капитализм, управляемый государством, примерно как это было в нацистской Германии. Есть и другие точки сходства. В послевоенной Европе, как и в Германии после первой войны, не хватает капитала. Необходима строжайшая экономия. Не более чем при немецком фашизме теперь можно предоставить свободу воли класса капиталистов для расходования имеющегося национального капитала путем импорта предметов роскоши или материалов для производства предметов роскоши. Чтобы восстановить производственный аппарат страны, правительство должно взять в свои руки контроль и управление всем импортом и экспортом, всеми перевозками ценностей через границы. Международная торговля не может быть предоставлена частным торговцам; правительства заключают торговые пакты, часто строго двусторонние, на суммы, включающие основную часть продовольствия и промышленной продукции всей страны. То, что нацистская Германия ввела в качестве новой тоталитарной системы торговли, теперь имитируется всеми европейскими государствами — чрезвычайная мера здесь, как и там. Но характер чрезвычайной ситуации отличается; там это было сделано для того, чтобы сохранить силы для нового наступления на завоевание мира, для подготовки к мировой войне; здесь это сделано для того, чтобы предотвратить голод и революцию, результат мировой войны. Каждое правительство вынуждено импортировать продукты питания из-за границы — производство зерна в Европе из-за ухудшения состояния почвы и нехватки рабочих рук сократилось лишь до половины или двух третей от довоенного объема — чтобы голодное население не взбунтовалось и не привело К.П. к власти. Но они должны быть оплачены экспортом промышленной продукции, скрытой от собственного народа; или займами у Америки, связывающими Западную Европу узами долгового рабства перед

хозяином мирового золота.

Таким образом, сейчас государство обладает гораздо большей властью, чем раньше. Это следствие разрушительной войны. Однако это не означает, что это временное ненормальное положение вещей. Никто не верит, что в будущем может вернуться старый частный капитализм. Растущие размеры предприятий, взаимосвязь мировой экономики, концентрация капитала требуют планирования и организации, хотя время от времени для приведения в действие этих тенденций нужны катастрофы. Эти послевоенные условия формируют переход, введение в новый мир, мир планового капитализма. Государство возвышается над обществом как могущественная сила. Оно господствует и регулирует экономическую жизнь, руководит плановым производством, распределяет продукты питания и другие жизненные потребности в соответствии со своим суждением о первичных нуждах, распределяет прибавочную стоимость, произведенную рабочими, между владельцами капитала; оно в большей или меньшей степени руководит даже духовной пищей, имея распределительную власть над бумагой, необходимой для печатания книг. В его организации политические партии являются его ссорящимися держателями рекламы, а профсоюзы — частью его бюрократии. И, самое главное, тоталитарное государство включает трудящиеся массы в свою социальную организацию в качестве послушных производителей стоимости и прибавочной стоимости. Это осуществляется путем называния планового капитализма именем социализма.

Это не просто узурпация имени. Простое слово, обманчивое имя, не имеет такой силы. Имя — это выражение реальности. Социализм был девизом страдающих и борющихся рабочих в прошлом веке, вестью их освобождения, волшебным словом, занимавшим их сердца и головы. Они не видели, что оно означало лишь несовершенное освобождение, правление их лидеров как новых хозяев, распоряжающихся производственным аппаратом и продуктом. Социализм был программой лидеров и политиков, которых они послали в парламенты для борьбы с капитализмом и эксплуатацией. Целью социализма, после завоевания государственной власти, была организация производства, плановая экономика, передача производственного аппарата в руки общества в лице государства. Теперь, когда в XX веке капитализм в чрезвычайных обстоятельствах нуждается в плановой экономике, в руководстве и организации производства посредством государственной власти, старый лозунг рабочих просто вписывается в новые потребности капитализма. То, что было выражением их скромных надежд на освобождение, становится инструментом их готового подчинения в условиях более сильного рабства. Все традиции прежних стремлений, жертв и героической борьбы, связывающие социалистических рабочих с их вероучением и их партией и сгущающиеся под именем социализма, теперь действуют как оковы, сковывающие сопротивление растущей силе нового капитализма. Вместо того чтобы ясно видеть ситуацию и сопротивляться, завязав глаза дорогими традиционными лозунгами, они идут в новое рабство.

Этот социализм — для Европы, он не для Америки и не для России. Он родился в Европе, он должен спасти капиталистическую Европу. Почему Европа оказалась в таком полном бессилии? Она имеет за пределами России 400 миллионов человек, больше, чем США и СССР вместе взятые, она богата сырьем для промышленности, богата плодородными землями; она имела высокоразвитую промышленность и хорошо образованное население,

распоряжающееся в изобилии капиталом. Почему же тогда такой недостаток капиталистической силы? Потому что Европа разделена на дюжину национальностей, говорящих на нескольких десятках языков, и поэтому ее обуревают жестокие вековые антагонизмы и национальная ненависть. На заре капитализма эти нации были подходящим размером для экономических единиц; теперь, когда капиталистическая эффективность требует более крупных единиц, размером с континент, Европа находится в невыгодном положении против новых держав — Америки и России. Ее внутренняя неистребимая вражда и войны вызвали более могущественных соперников, которые растоптали ее физически и экономически. То, что в конце Средневековья произошло с итальянскими городами, которые были местом рождения бюргерской власти и раннего капитализма, но которые, раздираемые взаимной враждой и ненавистью, не смогли создать более крупное национальное единство и поэтому были, как поле битвы, растоптаны французскими и испанскими армиями и подчинились более могущественным иностранным державам, теперь произошло с Европой в более широком масштабе. Европейский капитализм стал жертвой того национализма, который когда-то был его силой. Когда после первой мировой войны президент Вильсон, как арбитр Европы, провозгласил принцип национального самоопределения, это было тем самым средством, которое позволило сохранить Европу бессильной, разделенной на множество независимых, взаимно враждующих частей. Вполне естественно, что сейчас социалистические политики пропагандируют идею единой консолидированной социалистической Европы, но они опоздали: Европа уже разделена на Восточный и Западный блок. Сама идея превращения социалистической Европы в третью мировую державу, сдерживающую агрессию других, относится к области идеологии среднего класса, который видит только противоборствующие нации, теперь уже размером с континент; эта идеология означает спасение европейского капитализма.

Если смотреть с общей точки зрения, то можно сказать, что развитие производительных сил общества делает неизбежной его социальную организацию в единое хорошо спланированное целое. Это может происходить двумя различными путями. Один из них — путь капитала, превращающий государственную власть в направляющую силу производства, делающий назначенных сверху менеджеров командирами труда. Он ведет к тоталитаризму в различных степенях, когда государство распространяет свою регулируемую власть на все большее число сфер жизни человека и общества. Это приводит к диктатуре, более или менее закамуфлированной парламентской или мнимой демократической формой. Такая диктатура не обязательно принимает жестокие формы, которые мы видели в Германии и России, со всемогущей тайной полицией, держащей все классы в своих жестоких тисках. Для рабочего класса разница между западной демократической и восточной диктаторской формами правления экономически не существенна; и в том, и в другом случае он подвергается эксплуатации со стороны правящего класса чиновников, которые управляют производством и распределяют продукцию. И противостоять государству как всемогущему хозяину производственного аппарата означает потерять значительную часть той ограниченной свободы действий, с помощью которой он раньше мог противостоять требованиям капитала.

Другой путь — это путь рабочего класса, захватывающего социальную власть и овладевающего производственным аппаратом.

3. Навстречу новой свободе

Вторая мировая война открыла новую эпоху. В большей степени, чем первая мировая война, она изменила структуру капиталистического мира. Тем самым она внесла фундаментальные изменения в условия борьбы рабочих за свободу. Эти новые условия рабочий класс должен знать, понимать и встретить лицом к лицу. Прежде всего, он должен отказаться от иллюзий. Иллюзий относительно своего будущего при капитализме и иллюзий относительно легкого пути завоевания свободы в лучшем мире социализма.

В прошлом веке, в первую эпоху рабочего движения, идея социализма захватила умы. Рабочие создавали свои организации, политические партии, а также профсоюзы, нападали на капитализм и боролись с ним. Это была борьба с помощью лидеров; парламентарии как представители вели реальную борьбу, и предполагалось, что после этого политики и чиновники должны будут заняться реальной работой по экспроприации капиталистов и строительству нового социалистического мира. Там, где реформизм пронизывал социалистические партии, считалось, что путем ряда реформ они постепенно смягчат и, наконец, превратят капитализм в настоящее содружество. В конце первой мировой войны возникли надежды на скорую мировую революцию под руководством коммунистической партии. Провозгласив строгое подчинение рабочих вождям под предлогом дисциплины, эта партия верила, что сможет победить капитализм и установить государственный социализм. Обе партии осуждали капитализм, обе обещали лучший мир без эксплуатации под их правлением. Поэтому миллионы рабочих пошли за ними, веря, что они победят капитализм и освободят пролетариат от рабства.

Теперь эти иллюзии разрушились. Сначала о капитализме. Перед нами не смягченный, а усугубленный капитализм. Именно рабочий класс должен нести бремя капиталистического восстановления. Поэтому они должны бороться. Снова вспыхивают забастовки. Несмотря на видимый успех, им не удастся остановить нужду и страдания. Против грозной мощи капитализма они слишком слабы, чтобы принести облегчение.

Не иллюзии о партийном коммунизме. Такое вряд ли могло существовать, потому что К.П. [Коммунистическая Партия] никогда не скрывала своего намерения установить деспотическое правление над подчиненным рабочим классом. Эта цель прямо противоположна цели рабочих быть свободными хозяевами общества.

Были также иллюзии относительно социализма и профсоюзов. Теперь рабочие обнаруживают, что организации, которые они считали частью себя, выступают против них как сила. Теперь они видят, что их лидеры, политические и профсоюзные, встали на сторону капитала. Их забастовки — это дикие забастовки [внезапная забастовка без какого-либо

предупреждения со стороны рабочих и часто без официальной поддержки профсоюзов – прим. пер.]. В Англии лейбористы занимают государственные посты в интересах капитализма, и профсоюзы становятся частью государственного аппарата. Как во время забастовки в Гримторпе один шахтер сказал репортеру: «Как обычно, мы едины, и все против нас».

Это, действительно, признак нового времени. Все старые силы стоят против рабочих, подгоняя, иногда подманивая, но в основном осуждая и оскорбляя их: капиталисты, политики, лидеры, чиновники, государство. У них есть только они сами. Но в своей борьбе они крепко едины. Крепче, нерушимее, чем в прежних схватках, их взаимная солидарность сплавляет их в единое тело. В этом кроется указание на будущее. Конечно, такие небольшие забастовки не могут быть чем-то большим, чем протест, предупреждение, чтобы показать настроение рабочих. Твердое единство в таких маленьких единицах может быть не более чем обещанием. Чтобы оказать давление на правительство, они должны стать массовыми забастовками.

Во Франции и Италии, где правительство пыталось сохранить задержку заработной платы, не будучи в состоянии предотвратить рост цен, вспыхнули массовые забастовки, теперь уже действительно сознательно направленные против правительства; в сочетании с более сильными формами борьбы, с захватом цехов, захватом рабочими офисов. Однако это было не чисто классовое действие рабочих, а одновременно политический маневр в партийной борьбе. Забастовки направлялись Центральным Комитетом Профсоюзов (С.Г.Т.), в котором доминировала коммунистическая партия, и должны были служить акцией российской политики против западных правительств. Поэтому с самого начала им была присуща внутренняя слабость. Борьба против частного капитализма принимала форму подчинения государственному капитализму, поэтому против нее выступали те, кто ненавидел государственно-капиталистическую эксплуатацию как худшее состояние. Поэтому рабочие не могли прийти к реальному классовому единству; их действия не могли проявиться как реальное массовое классовое действие; их великая цель — свобода — была затуманена подневольностью лозунгам капиталистических партий.

Ожесточенный антагонизм, возникший в конце войны между Россией и западными державами, изменил отношение классов к российскому коммунизму. В то время как западная интеллигенция выступает на стороне своих капиталистических хозяев против диктатуры, значительная часть рабочих вновь видит в России своего партнера. Таким образом, трудность для рабочего класса сегодня заключается в том, что он вовлечен в борьбу двух мировых держав, обе правят и эксплуатируют его, обе ссылаются на эксплуатацию с другой стороны, чтобы сделать их послушными приверженцами. В западном мире коммунистическая партия, агент российского государственного капитализма, выставляет себя союзником и лидером рабочих против домашнего капитализма. Терпеливой, мелкой работой в организациях она проталкивает себя на ведущие административные посты, показывая, как хорошо организованное меньшинство может доминировать над большинством; в отличие от социалистических лидеров, привязанных к собственному капитализму, она не колеблясь выдвигает самые радикальные требования для рабочих, чтобы таким образом завоевать их расположение. В странах, где американский капитализм сохраняет у власти наиболее реакционные группы, К.П. встает во главе

народных движений, как будущий хозяин, чтобы сделать их союзниками России в случае завоевания господства. Если в самой Америке рабочие массы выйдут на массовые акции против новой войны, К.П. немедленно присоединится к ним и постарается сделать эти акции источником духовного смятения. Наоборот, американский капитализм не замедлит представить себя освободителем поработанных русских масс, чтобы таким образом заручиться поддержкой американских рабочих.

Это не случайная ситуация сегодняшнего дня. Политика капитализма всегда состоит в том, чтобы разделить рабочий класс, заставив его примкнуть к двум противоположным капиталистическим партиям. Они инстинктивно чувствуют, что таким образом рабочий класс становится бессильным. Поэтому чем больше они похожи друг на друга, две партии эксплуататоров, стремящихся к прибыли, и политиков, стремящихся к должности, тем сильнее они подчеркивают свои часто традиционные искусственные различия в звучных лозунгах, имитирующих фундаментальные принципы. Так было во внутренней политике в каждой стране, так происходит сейчас в международной политике, против рабочего класса всего мира. Если капитализму удастся создать «единый мир», он, конечно, обнаружит необходимость расколоться на две враждующие половины, чтобы не допустить единства трудящихся.

Здесь рабочему классу нужна мудрость. Не просто знание общества и его тонкостей, а та интуитивная мудрость, которая вырастает из их простых условий жизни, та независимость ума, которая основана на чистом принципе классовой борьбы за свободу. Там, где обе капиталистические державы пытаются завоевать рабочие массы своей шумной пропагандой и тем самым разделить их, они должны понять, что их путь — третий, борьба за собственное господство над обществом.

Эта борьба возникла как продолжение их нынешних небольших попыток сопротивления. До сих пор они бастовали по отдельности; когда бастовал один завод или отрасль, другие смотрели на это, казалось, без интереса; таким образом, они могли только беспокоить правителей, которые в лучшем случае успокаивали их небольшими уступками. Как только они поймут, что первым условием выполнения их требований является массовое единство действий, они начнут поднимать свою классовую силу против государственной власти. До сих пор они позволяли направлять себя капиталистическим интересам. Как только они поймут, что другое условие, не менее важное, заключается в том, чтобы держать руководство в своих собственных руках с помощью своих делегатов, своих забастовочных комитетов, своих рабочих советов и не позволять никаким лидерам руководить ими, они вступят на путь свободы.

То, что мы наблюдаем сейчас, — это начало распада капитализма как экономической системы. Еще не во всем мире, но в Европе, где он зародился. В Англии, в Европе, зародился капитализм; подобно нефтяному пятну, он распространился по всему миру. Теперь в этом центре мы видим, как он приходит в упадок, застывает в деспотических формах, чтобы спастись от гибели, показывая теперь процветающим новым местам, Америке, Австралии, их будущее.

Начало распада: то, что предполагалось как дело будущего, ограниченность земли как препятствие для дальнейшего расширения капитализма, проявляется уже сейчас. Медленный рост мировой торговли после первой мировой войны свидетельствует о снижении темпов, а глубокий кризис 1930 года не был побежден новым процветанием. В то время спад не проникал в сознание человека; его можно было обнаружить только в статистических цифрах. Сегодня спад — это сознательный опыт; широкие народные массы чувствуют и знают это, и в панике пытаются найти выход.

Распад экономической системы, но еще не социальной. Старые зависимости классов, отношения господина и слуги, основной факт эксплуатации еще в силе. Предпринимаются отчаянные усилия, чтобы закрепить их. Путем превращения случайной экономики в плановую, путем усиления государственного деспотизма, путем усиления эксплуатации.

Начало распада старой системы: еще не начало подъема новой системы. Рабочий класс, по сравнению с классом хозяев, сильно отстал в признании изменившихся условий. В то время как капиталисты активно трансформируют старые институты и приспособливают их к новым функциям, рабочие упрямо придерживаются традиционных чувств и действий, и пытаются бороться с капиталом, доверяя агентам капитализма, профсоюзам и партиям. Конечно, дикие забастовки — это первые признаки новых форм борьбы. Но только тогда, когда весь рабочий класс проникнется новым пониманием значения самостоятельности и самоуправления, откроется путь к свободе.

Распад капитализма — это одновременно и распад старого социализма. Потому что социализм теперь оказывается более жесткой формой капитализма. Социализм, унаследованный от XIX века, был для лидеров и политиков как кредо социальной миссии: превратить капитализм в систему управляемой государством экономики без эксплуатации, производящей изобилие для всех. Для рабочих это было кредо классовой борьбы, вера в то, что, передав правительство в руки этих социалистов, они обеспечат себе свободу. Почему этого не произошло? Потому что тайное голосование было слишком незначительным усилием, чтобы считаться настоящей классовой борьбой. Потому что политики-социалисты стояли в одиночку внутри всей капиталистической ткани общества, против огромной силы класса капиталистов, владеющего производственным аппаратом, а рабочие массы только смотрели на них, ожидая, что они, маленький отряд, перевернут мир. Что они могли сделать, кроме как вести дело обычным образом, и, реформировав худшие злоупотребления, спасти свою совесть? Теперь видно, что социализм в смысле управляемой государством плановой экономики означает государственный капитализм, и что социализм в смысле эмансипации трудящихся возможен только как новая ориентация. Новая ориентация социализма — это самоуправление производством, самоуправление классовой борьбой, посредством рабочих советов.

То, что называют поражением рабочего класса, тревожащим многих социалистов, противоречием между экономическим крахом капитализма и неспособностью рабочих захватить власть и установить новый порядок, не является реальным противоречием. Экономические изменения лишь постепенно порождают изменения в сознании. Рабочие, воспитанные в вере в социализм, стоят в недоумении, когда видят, что в результате получается прямо противоположное, более тяжелое рабство. Понять, что социализм и

коммунизм теперь оба означают доктрины порабощения, — трудная задача. Новая ориентация требует времени; может быть, только новое поколение постигнет весь ее масштаб.

В конце первой мировой войны мировая революция казалась близкой; рабочий класс восстал, полный надежд и ожиданий, что теперь его старые мечты сбудутся. Но это были мечты о несовершенной свободе, они не могли осуществиться. Теперь, в конце второй мировой войны, только рабство и разрушение кажутся близкими; надежда далека; но задача, более великая цель настоящей свободы вырисовывается. Более могущественный, чем прежде, капитализм становится хозяином мира. Более мощный, чем прежде, рабочий класс должен подняться в борьбе за господство над миром. Более мощные формы подавления нашел капитализм. Более мощные формы борьбы должен найти и использовать рабочий класс. Поэтому этот кризис капитализма в то же время станет началом нового рабочего движения.

Столетие назад, когда рабочие были небольшим классом угнетенных беспомощных людей, прозвучал призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вам нечего терять, кроме своих цепей; получите же вы весь мир. С тех пор они стали самым многочисленным классом; и они объединились, но только несовершенно. Только в группах, меньших или больших, но еще не как единый классовый союз. Только поверхностно, во внешних формах, но еще не в глубокой сущности. И все же им нечего терять, кроме своих цепей; то, что у них еще есть, они не могут потерять, сражаясь, только робко подчиняясь. И мир, который предстоит завоевать, начинает восприниматься смутно. В то время не было четкой цели, ради которой можно было бы объединиться; поэтому их организации в конце концов стали инструментами капитализма. Теперь цель становится ясной; напротив более сильного господства плановой экономики, направляемой государством, новый капитализм ставит то, что Маркс называл ассоциацией свободных и равных производителей. Поэтому призыв к единству должен быть дополнен указанием цели: возьмите фабрики и машины; утвердите свое господство над производственным аппаратом; организуйте производство с помощью рабочих советов.